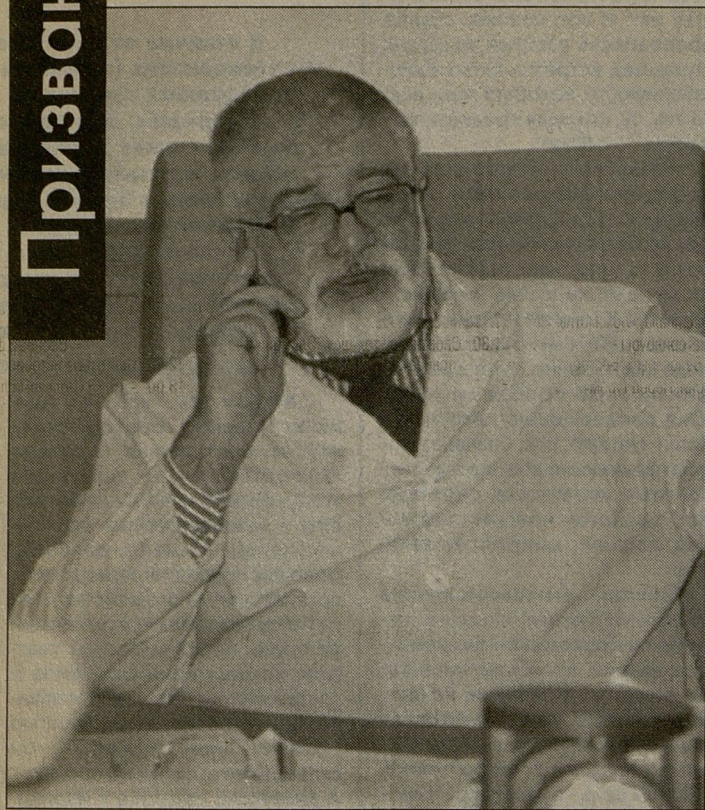

И три часа на вдохновение...

Моск. правда - 2006-31 марта - с. 13.

Местергази... Услышанная двенадцать лет назад фамилия запомнилась моментально. Но не потому, что выбивалась из потока прочих, будто источая аромат то ли сандала, то ли разогретой отчаянным южным солнцем хвои в сочетании с ликерным духом чайных роз и горчинкой зеленого грецкого ореха... И не потому, что называлась в связи с особыми обстоятельствами появления на свет моего нового знакомого. Часто важен отнюдь не повод - важна эмоция, уровень восприятия. В моем сознании был зафиксирован восторг счастливого отца, высшая степень преклонения перед талантом врача, и на полочке памяти колоритная фамилия оказалась в номинации «Легенды» - рядом с Пироговым.

Через год-другой неожиданно услышала волшебное слово «Местергази» из уст подружки, затем - от ее приятельницы, и меня задела интонация - ровная, спокойная: так обычно говорят о мастере высокого класса, виртуозно выполняющем свою работу изо дня в день. Его высший пилотаж - не показательные выступления, а привычное дело... Выяснилось, что обем дамам доктор спас жизнь - прооперировал и предотвратил развитие онкозаболеваний. Тогда я узнала, что легендарный доктор - одна из реалий наших дней, а девять лет назад имела возможность пожать Г. М. Местергази руку...

В ту пору Георгий Михайлович уже возглавлял госпиталь № 2 ветеранов войн, но практики не оставлял, защитил кандидатскую, преподавал и снова стал отцом. Оказалось, руководя крупнейшим в России лечебным учреждением такого профиля, консультируя множество пациентов, вникая в чужие проблемы и нянчась с сыновьями-близнецами, он умудрялся находить время и для хобби, которое давным-давно стало вторым призванием - на том же уровне, что и врачевание: он, заслуженный врач Российской Федерации, - член Творческого союза художников России и Международной Федерации художников.

О том, что Местергази увлечен скульптурой, знала, но сложно было представить, что и при нынешней занятости он не отказывает себе в удовольствии ваять. Этой любви уже много лет. Доктор-художник рассказывает, что рисовать начал в одиннадцать лет, сам по себе, ни в какие кружки или изостудии не

ходил. Видно, всему виной гены: дед со стороны матери, Рубен Григорьевич Берберов, был не только отменным офтальмологом, главным окулистом Калужской области (и внука, с семилетия помогавшего ему на приеме, по окончании 2-го Московского медицинского института им. Н. И. Пирогова оставили в ординатуре на кафедре глазных болезней профессора М. М. Краснова), но и отлично рисовал, особенно карандашом. Сохранились его альбомы, где запечатлены родственники, друзья по Первой мировой, пейзажи. И мастерством живописца он на старости лет овладел, брался и за скульптуру, однако это дедушке, по мнению Георгия Михайловича, не удавалось. Впрочем, однажды дед взялся усовершенствовать созданное внуком.

«Моя первая скульптурная работа - фигурка овчарки - появилась в пятнадцать лет, и мама подарила ее подруге, - рассказывает мой собеседник. - Все время я стал заниматься скульптурой на первом-втором курсах. Приехал домой на каникулы - вылепил в глине деда. Уехал дальше учиться. Возвращаюсь - мама встречает и с порога предупреждает:

«Никак не реагируй!» Я удивился: что могло случиться? Оказалось, дед мое творение оценил («Я не такой!») и поправил. Куда потом это изваяние делось, не помню. Как будто само собой исчезло...

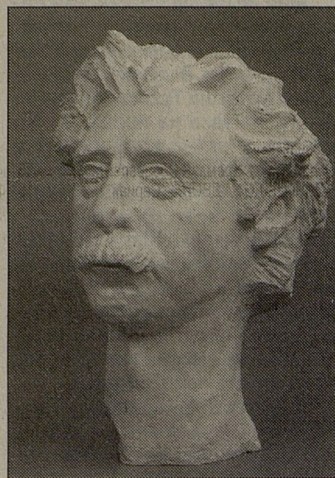
Художником в Театре имени Станиславского работал мой родственник дядя Юра Яблоков. Я попросил у него глины. «Приезжай», - говорит. Взял я ведро, набрал глины, в общежитие привез, размочил. Сделал портрет друга, Толика Макушева. Прекрасный портрет! Надо было уезжать на каникулы, и я обернул свое творение мокрыми тряпками, целлофаном и сдал в камеру хранения... Но какие там условия?! Приезжаю - все высохло, почти окаменело. А портрет еще надо довести до ума. Поставил в таз, предварительно налив водички, и ушел на занятия. Когда вернулся, исправлять было уже нечего: меня встретила куча глины. С законами физики не поспоришь!»

Пока ехали в мастерскую, Георгий Михайлович успел рассказать о концерте оркестра Большого театра, на котором накануне побывали всем семейством, собственных впечатлениях и реакции сыновей. По тому, что несколько раз упоминал о каденции (так называют свободную виртуозную импровизацию, которая входит в состав музыкального произведения, но исполняется солистом), я поняла, что программой и уровнем исполнения все остались довольны. Но кто бы мог подумать, что и на степлажах в ателье скульптора не одна каденция, хотя и изваяние с названием «Каденция» существует!

Работы Местергази в основном в бронзе. Ваяние требует большого терпения и аккуратности. Не имея мастер этих качеств, не добиться ему успеха, ведь от идеи до ее воплощения проходит немало времени, а рукоделие тут особого рода: и проволочный каркас надо связать так, чтобы не повело его под тяжестью пластины, иначе все насмарку!.. Этот удивительный человек с сильными руками и чуткими пальцами изучал офтальмологию и прекрасно видит окружающих и... себя - со стороны. Побывав на выставке любимого Матисса в 1968 году, тушью нарисовал автопортрет в стиле кумира: оказалось, сумел угадать, как будет выглядеть через тридцать лет. Свидетельствую: попал в яблочко! Даже

усталость собственную изобразил точь-в-точь! Того же уровня - скульптурный портрет «Я и Дастин»: любимый ризеншнауцер многие годы служил хозяину великолепной моделью и лучшим средством релаксации.

«Вот эта работа получилась неожиданно, - рассказывает Георгий Михайлович, показывая мастерскую. - Я задумывал совсем другое, но решил сэкономить время и вместо части каркаса использовать жестяную банку. Она-то и подвела. Пришлось пластилин собирать и начинать все заново. Расстроился... Мну пластилин, мну... И вдруг вижу: появляется профиль! Так и возник «Первый поцелуй» - последний поцелуй».

Мастер устанавливает работу так, чтобы мне было удобнее рассматривать, и предупреждает, что ее надо обойти... против часовой стрелки. Ну что ж, пойдем наперекор часам.

Признаться, на такой эффект никак не рассчитывала. Все начинается с невинного поцелуя - подогнутую картину, наверное, каждый наблюдал в трамвае, троллейбусе, автобусе. Сидит впереди парочка: слева - юноша, справа - девочка, в том самом возрасте, когда мир вокруг видится в розовом свете. Он едва касается уха спутницы... Все только начинается! Все будет хорошо!!!

Но переведем стрелки воображаемых часов на пятнадцать минут назад и испытаем шок: как хороши, как свежи были розы! Да были ли они вообще?! Кем стала наша юная прелестница?! Изъеденное морщинами лицо, заострившийся нос, застывшие глаза... И эту весть о любви?!

Вернемся еще на пятнадцать минут - и ужаснемся: ужель тот самый воздыхатель?! Увы, уже совсем не тот... Того уж нет, и этот весь... истлеет... А ведь все было - полчаса назад!!!

Вот еще одна пара - «Шут» и «Шутиха». Он - бывший тореадор, человек, израненный судьбой. Она... бывшая женщина... Что им осталось в этой жизни? Терпеть и веселить других...

А Данте... Данте и о них все знал - и знаем с Местергази поделился. Оттого и портрет самого любимого поэта получился таким пронзительно-одухотворенным, будто выполненным с натуры еще при жизни великого итальянца. Тут не мимические мышцы - точно вылеплены нервы... Чтобы так понять Алигьери, и самому надо пройти все круги ада! Увидишь это изваяние за пределами московской мастерской - ни за что не поверишь, что ему не пять столетий и что оно не украшало некогда галерею Уффици. Классика!

Но разве не классика - «Поль Гоген», «Голова старика», порт-

реты О. Э. Мандельштама, нейрохирурга В. Б. Карахана, операционной сестры из госпиталя?! Здесь изумительная пластика: видны оттенки белого, и гипс становится не менее выразительным, чем бронза.

«Заканчивалась моя персональная выставка в ЦДРИ, - вспоминает скульптор. - Я приехал с рабочими все забирать. Вдруг бежит куратор выставки: «Георгий Михайлович, подождите хоть полчасика - Кербель хочет посмотреть!» Действительно, приехал Лев Ефимович. Там были вещи из тонированного гипса - удивлялся: «Как вы тонируете гипс, что он становится похожим на дерево?!» Дал визитку - пригласил к себе в мастерскую. Договорились встретиться в августе. А в июле Кербель умер...»

Вспоминаем тех, кто ушел, обращаемся к вечным темам. Соблюдаются каноны, но находят и новые решения: торс «Спасителя». И степень мучений отражают не только лицо, волокна мышц, но и скрученный в жгут позвоночник... Да, хирург Местергази слишком хорошо знает, как выглядит боль! Еще знает, что «Падший ангел» не держит спину, что, даже слившись в единую плоть, «Адам и Ева» могут быть бесплодны, а женщина, рожающая «для себя», на самом деле отрывает ребенка от сердца и преподносит «Вечный дар миру», но молит небо быть милосердным к ее малышу... Знает, что каждому воздастся по далам его, и создает памятник коллегам - военным медикам, спасавшим Родину в Великую Отечествен-

ную. Мечтает о мирном памятнике «Музыка» - перед музыкальной школой имени М. А. Балакирева, где учатся сыновья...

Как удастся на все находить время? На этот вопрос отвечает достаточно жестко: «Времени не находить только бездельник. Когда все время в работе, время найти просто. Существует ритм, уклад, порядок. Я знаю, когда что должен делать. Книжка - это два отпуска. Сидел на даче, по одному - два часа в день писал, через два с половиной года издал. Для скульптуры есть выходные. В субботу я могу быть здесь, в госпитале, а в воскресенье с трех-четырех до шести-семи вечера - в мастерской. Это очень мощная разрядка. Если что-либо сделал в мастерской, знаю, что вся неделя пройдет блестяще!»

Насчет ритма мой герой, наверно, прав. И насчет порядка. Особенно когда за него отвечает надежная муза Кристина Михайловна - блестящая пианистка, посвятившая жизнь мужу и сыновьям. Без нее, думаю, не было бы каденций Местергази.

Татьяна КАЛИНИНА.

На снимках - скульптор Г. М. Местергази и его работы: «Шут», «Каденция», «Нейрохирург, профессор В. Б. Карахан», «Балерина». Фото автора и В. Ускова.